

А.Ю. Нестеров

*Самарский государственный аэрокосмический университет
им. академика С.П. Королёва
(национальный исследовательский университет)*

ТЕХНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СЕМИОЗИС. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

*Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации,
проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания»*

В статье в рамках семиотического подхода техническое сознание вводится как проективный семиозис, то есть как обусловленная рефлексией практическая деятельность человека, и рассматривается на трех ступенях: как «традиция», где техническое определяется в качестве правилообразной деятельности, удовлетворяющей требованию выживания человека в естественной природной среде; как «вторая природа», где техническое есть процесс создания нового, возможный за счет контроля над материей и замещающий естественную среду искусственной; как «третья природа», где техника есть способ управления рефлексией.

Техническое сознание, семиозис, философия техники.

Техника, техническое сознание и самосознание – ключевые термины современной рациональной философии. Как «тэхне», мастерство и искусность в смысле способности действовать на основании правила [1], техническое позволяет рассматривать проблемы эпистемологии и способы их решения в практической деятельности. Как технология, способ достижения цели, требующий контроля над материей, техническое нуждается в онтологии и способах ее исследования с учетом гносеологического, лингвистического и прагматического «поворотов». Как форма сознания и среда жизнедеятельности человека, определенная рефлексией, техническое является пространством антропологии и этики. Исследование техники затрагивает все сферы человеческого и все дисциплины философии, так что в рамках концепции «единой науки» Венского кружка имеет смысл поставить вопрос об общем языке описания технического сознания и об общей структуре его субъект-объектных связей.

Словосочетание «техническое сознание» подразумевает, что спектр связанных с термином «техника» значений, начиная от способности действовать на основании правила и заканчивая трансгуманистическими представлениями о новой среде обитания человечества, созданной аватар-технологиями, возможен только в связи со структурами человеческого сознания и не может быть описан без их учета. Очевидно, что техническое занимает свое место в описании трансцендентальной структуры сознания, и это место зависит 1) от уровня описания (индивидуальное, общественное или абсолютное сознание); 2) от направления деятельности сознания (созерцание или конструирование); 3) от слоя сознания или «мира» в смысле К.Р. Поппера (эмпирический, ментальный, рационально-языковой или этический) [9]; 4) от конкретного измерения семиозиса, в котором нечто оказывается «техническим» или связанным с таковым (семантика, синтаксис, прагматика). Настоящее размышление не

претендует на полноту формулировок. Его цель – показать понятие технического и использование техники индивидуальным сознанием с точки зрения проективной (конструктивной) деятельности. Способ рассуждения задан средствами семиотического моделирования, позволяющими учесть разницу между чувственным восприятием (физическим миром), рассудком (рационально-языковым миром) и структурами рефлексии, создающими человеческое «я». Техническое сознание рассматривается на трех ступенях: как традиция, где техника есть способ выживания человека в естественной природной среде; как «вторая природа», где техника есть способ замещения естественной среды искусственной; как «третья природа», где техника есть способ управления рефлексией.

Метафизика технического сознания определяется соотношением целеполагания и текущих возможностей контроля материи. Под «метафизикой» в целом понимается после И. Канта область теории, лежащая вне эмпирической проверки. Р. Ингарден в «Споре о существовании мира» [17, с. 18–62] предложил разделять онтологию как область аксиоматики, создающую тот или иной комплекс предпосылок теории, и область метафизики как область следствий некоторой теории, которые при текущем уровне развития техники и технологий пока не могут быть эмпирически проверены, однако вытекают из теории. В философии техники как таковой метафизическое задается концепцией «четвертого царства» Ф. Дессауэра [16], располагающегося на границе человеческих потребностей и возможностей, предоставляемых законосообразностью природы.

Сущность техники выражается в удовлетворении потребностей человека с помощью предметов, созданных на основе законов природы. «Царство возможного в природе все же намного больше, нежели царство наличествующих, существующих природных форм. «Изобретаемое» транслируется оттуда в опыт-

ный мир, делается «настоящим», однако всякая искомая и найденная форма оказывается предустановленной [praestabliert]. Она может быть осуществлена, только когда она познана в достаточном приближении» [16, с. 82]. Ф. Дессауэр формулирует шесть тезисов по поводу «четвертого царства».

1) «Царство предустановленных образов решений [das Reich der praestablierten Loesungsgestalten] обосновывает и ограничивает технику, определяемую им... В случае с техникой речь идет только о возможностях, сообразных с законами природы. Здесь ее граница. Эта граница постоянно отодвигается тем дальше, чем больше мы узнаем о природе, но она никогда не исчезнет» [16, с. 83].

2) Процесс реализации технических сущностей есть процесс «творения» по аналогии с религиозным значением этого термина.

3) «Изобретающий человек... «развивает» латентные картины, раскрывает их, определенным и ограниченным способом продолжает творение...» [16, с. 84].

4) «Основой технического исторического процесса являются коренные формообразующие свойства человека; латентный запас предустановленных исполняемых форм «четвертого царства» есть условие возможности техники» [16, с. 85].

5) Познание – это «духовное отражение», возможное за счет аналогии между мышлением об объектах и самими природными объектами, соответственно, «должны существовать однозначные соответствия между потребностями и образами решений потенциального царства природы... Как возможна техника? Она оказывается возможной лишь посредством структурной аналогии. Словарю языка человеческих нужд и желаний должен в идеальном плане противостоять словарь форм исполнения с взаимно-однозначным соответствием слов в обоих в своей основе» [16, с. 85].

6) Поскольку человек не только природное, но и духовное существо, отнюдь не все его потребности могут быть удовлетворены, и это предпосылка развития техники, которая подтверждает тот «факт, что все объективные блага культуры являются техническими благами» [16, с. 85].

Приведенное рассуждение Ф. Дессауэра демонстрирует характерный для XX в. поиск объективных стабильных форм метафизики, которые позволяли бы строить эволюционно ориентированные технические системы. Аналогичные проекты в эпистемологии и эстетике известны более широко. В целом можно утверждать, что метафизика технического сознания строится вокруг соотношения конструктивных или проективных ресурсов, которыми располагает сознание, и реальности, в отношении которой осуществляется конструирование или проекция. В каждый момент развития это соотношение подразумевает конкретный набор предпосылок, представленный объективным знанием о реальности, и задающий ту или иную метафизику, представленную технически осуществимым в рамках объективного знания о реальности. Способ учета динамики или эволюции этого соотношения заключается в представлении о развитии технического сознания от «традиции» к «третьей природе».

В качестве «традиции» техническое сознание раскрывается в оппозиции природы и техники, естественного мира и того способа, которым человек и человеческие сообщества в него включаются. В качестве «второй природы» техническое сознание раскрывается в оппозиции художественной и технической деятельности человека и обуславливается постановкой проблемы «нового», вопросом об осуществлении нового или искусственного в тех или иных сферах деятельности и жизни. В качестве «третьей природы» техническое сознание раскрывается в оппозиции рефлексии, понимаемой как фундаментальное свойство человека, делающее его свободным, и техники, понимаемой в качестве аппарата контроля и управления рефлексией на уровне материи или материального условия возможности рефлексии (в биологическом и, в перспективе, в кибернетическом смысле).

Первая ступень технического сознания

Соотношение физического мира, как он осуществляется для человека в актах чувственного восприятия, и рассудочно-логических схем, как они выявляются путем аксиоматизации, – это традиционная философская проблема, берущая начала в рассуждениях элейской школы о соотношении чувственного и умопостижимого, проще говоря, это проблема познания. Техническое в первом приближении может быть понято с точки зрения здравого смысла, то есть прямого познания. Акт прямого познания как «созерцания» – это идеализация, имеющая сугубо методологическое значение. Наиболее компактно ее можно представить как рецепцию, процедуру декодирования знаков (для задач прямой расшифровки кодов) или интерпретацию, в которой соотносятся наличные объекты и правила их учитывания. Техническое здесь оказывается навыком правила сообразной деятельности, позволяющим получать знаки, обладающие значением. Техническое, таким образом, для здравого смысла представляется процедурой логического вывода, где задачи прямой расшифровки эквивалентны дедукции, а обратной расшифровки – индукции. Можно было бы утверждать, что такого рода техническое рождается в актах непонимания (сократического знания о незнании) как ситуациях, когда индивид располагает знаками, а объектами, на которые они указывают, – нет: например, «технической герменевтикой» называется раздел теории интерпретации, каталогизирующий процедуры, необходимые для понимания как практического перехода от знаков к значениям [14].

К сожалению, в реальной практике познания человек никогда не имеет дела со «здравым смыслом»: физический мир, данный индивиду в виде объектов, определен навыком восприятия «объектов» и правилами их расположения, мир языка в свою очередь требует навыков использования символических систем, подчиняется логике их организации и способен породить свои собственные «объекты», референция даже между этими двумя мирами является крайне сложным предметом исследования, включенным в общую структуру рефлексии. Методологическая абстракция, в рамках которой можно более или менее

полно обсуждать технику, очевидно, является существенно более сложной, нежели того требует здравый смысл; сама же практика познания носит характер решения конкретных проблем.

Мы исходим из абстракции трансцендентальной структуры сознания, включающей в минимальной форме восприятие, язык и рефлексию. В рамках семиотического подхода под ней понимается схема, где уровни познания как функции чувственного восприятия, рассудка и разума описываются в виде форм реализации семантических, синтаксических и прагматических правил. Знак как то, что участвует в семиозисе, представляет собой четырехкомпонентную сущность, включающую 1) значение как обозначаемый объект; 2) смысл как синтаксическое место знаковой (языковой или иной) системы, посредством которого значение задается (означивается); 3) субстрат знака как материальный носитель функций обозначения и означивания (субстрат знака традиционно называют «знаковым средством»); 4) интерпретанту как условие возможности для знака осуществлять функции обозначения и означивания [3].

Чувственное восприятие на уровне семантики представимо в терминах И. Канта [6], где значением является вещь сама по себе, смыслом – ее явление, субстратом – нервная система индивида или конкретно то, что Д.И. Дубровский называет «нейродинамическим субстратом субъективного образа» [4, гл. 5], «мозговой нейродинамической системой» [5, с. 193]. На уровне синтаксиса речь идет о способах соотношения смыслов как образов (например, в психологии или обыденном сознании) и как кодов этих образов (например, в нейрофизиологии). На уровне прагматики речь идет об эволюционно сформированных навыках употребления знаков в связи с имеющимися у человека органами чувств.

Рассудок на уровне семантики в качестве значений обозначает смыслы знаков чувственного восприятия (явления И. Канта), означивая их через места интересубъективных систем естественных языков, математики, логики и здравого смысла. Синтаксис рассудка – это в собственном смысле правила образования и преобразования знаков в интересубъективных знаковых системах; поскольку очевидно, что знаковая система в рассудке не одна (открытие этого факта лингвистикой XX века скомпрометировало онтологию объективного идеализма), к области синтаксиса необходимо отнести и перекодировки между различными системами. Прагматика рассудка – это набор таких условных рефлексов, которые допускают применение тех или иных знаковых систем и их комбинаций для описания явлений.

Прямое познание связывает чувственное восприятие и рассудок, полагая их «существующими» и находя во втором способ выражения первого. Во второй половине XX века усилиями лингвистов и нейрофизиологов было показано, что беспредпосылочное созерцание возможно лишь в виде идеализации некоторого сегмента процедур проектирования и создания действительности, осуществляемого на основании правил, оказывающихся в распоряжении субъекта [3,

11]. В рамках конструктивистской или проективной точки зрения человеческое «я», «субъект» или «сознание» могут быть поняты в виде способа связи различных миров, в простейшем случае – в виде разума, соединяющего в акте рефлексии восприятие и рассудок. Эта рефлексия может быть осознаваемой или рефлекторной. Если рефлексия не осознается субъектом как таковая в актах практической деятельности (как, например, в актах говорения на родном языке взрослым человеком не осознается референция, при управлении велосипедом – работа вестибулярного аппарата и т.п.), то одно человеческое «я» отличается от другого только навыком ее осуществления в практике решения проблем: такого рода навык неосознаваемой субъектом рефлексии может быть определен в качестве первой ступени технического сознания.

Разумность или рефлексивность как условие возможности первой ступени технического сознания подразумевает, что его прагматические основания социальны: никто не рождается разумным. Оппозиция естественного и искусственного на уровне прагматики подразумевает искусственность технического на любой ступени: вся сумма навыков, которая транслируется культурной памятью социума и вне которой индивид не в состоянии быть единицей социальной организации, носит не врожденный, но искусственный характер. При этом очевидно, что техническое сознание, будучи проективным соединением рассудка и восприятия, не является прерогативой человека, с такого рода техническим как неосознаваемой рефлексией, выступающей условием возможности практической деятельности, мы сталкиваемся повсеместно в живой природе, так что специфически человеческим оказывается лишь определенная группа прагматических правил разума, позволяющая субъекту осуществлять осознаваемую рефлексию.

Вторая ступень технического сознания

Осознание человеком процедур рефлексии связано с созданием вымышленных объектов средствами рассудка и в целом – с проблемой «нового» или «эволюции» [9]. Например, при освоении языка каждому становилось очевидным, насколько малую часть общего словарного запаса можно связать с какими-либо фрагментами чувственно воспринимаемого мира, так что перед каждым вставала и встает задача самостоятельно наполнить содержанием «метафизические» понятия или найти значения для фикциональных знаков. Это проективная деятельность, которая позволяет с помощью воображения или представления расширять границы воспринимаемого на основании языков. В обобщенной форме можно утверждать, что проекция – это создание «нового» в рамках семиозиса: новых объектов, правил или навыков. Проективный семиозис, если рассматривать его на фоне традиционного представления о трансцендентальной модели познания, представляет собой обращение иерархического соотношения семиотических систем: прагматические предпосылки разума являются основанием для прагматических предпосылок рассудка и соответственно задают прагматику (границы содержательной

стратегии интерпретации) реализации семантического правила.

Как таковой, проективный семиозис может быть понят как механизм решения проблем. Понятие проблемы в герменевтической традиции сводимо к проблемам «понимания» и «выражения»: в первом случае проблемной ситуацией является положение вещей, в котором субъект убежден, что имеет дело с некоторым кодом, но не обладает достаточными ресурсами для его расшифровки, во втором случае субъект имеет дело с некоторым переживанием, для кодирования которого ему не хватает синтаксических средств. «Проблема», таким образом, возникает в акте рефлексии и связана с фиксацией неспособности субъекта соотнести то или иное количество типов существующего друг с другом. Процедура решения проблемы связана, следовательно, с открытием или выведением тех или иных синтаксических закономерностей в том или ином типе семиозиса, которые позволят добиться более удовлетворительного обозначения как кодирования/декодирования.

Вторая ступень технического сознания связана с навыком превращения субъектом фикциональных объектов в действительные. Рефлексия осознается как таковая в столкновении с метафизикой и воображением, однако техническим сознанием она становится тогда, когда навыки соединения рассудка и чувства позволяют контролировать материю, в которой воплощаются фикциональные объекты. До тех пор, пока проективный семиозис ограничивается сферой фикционального языка и фикциональных объектов, вопрос о материи как субстрате синтаксиса, заданного прагматическим правилом, касается только способности воображения или расширения границ рефлексии, конструирующей эгосистему человека. Однако тогда, когда воображаемым объектам, существование которых легитимировано лишь языком и рефлексией, придается статус целей, от человека требуется найти такие синтаксические правила субстратов языка и чувственного восприятия и такой навык их соотнесения, который позволил бы осуществить новые объекты на уровне реализации семантического правила в чувственном восприятии.

Вопрос о материи и материальном нуждается в обсуждении в связи с плюралистической онтологией. Нюанс в том, что семиозис в каждом из миров (физический, ментальный, мир языка, мир этических норм и другие возможные в этом ряду миры) подразумевает не совпадающие друг с другом субстраты знака: именно разность материи делает невозможной процедуру отрицания тех или иных выражений одного мира средствами другого мира. Техническое сознание как проективное соединение миров – это отображение одного типа материи на другом, подразумевающее правила семиозиса, которые позволяли бы объединять в тех или иных теориях прагматику восприятия и рассудка, их синтаксические и семантические правила и создавать новое в виде «технических объектов» [14, 15].

Таким образом, техническое сознание на второй ступени порождает науку как форму знания, а «художник» или «инженер» как способ осуществления технического сознания оказывается дополнен «уче-

ным». Понятие «инженер» подразумевает навык превращения правил рассудка (логических и математических последовательностей, существующих только в человеческом уме) в факты природы, существующие в воспринимаемой объективной действительности. Техника же представляет собой конкретизацию воображения сначала в математической формуле, а затем – в конкретном артефакте (технологии или техническом устройстве). Инженер, соединяя в себе навыки конструирования и навыки созерцания, становится ученым, создавая теорию, объясняющую и прогнозирующую способы соотнесения материальных субстратов чувства и рассудка. Это ситуация, характеризующая Новое время вплоть до конца XX в. В онтологическом плане принципиальной становится оппозиция собственно онтологии в виде учения о субстанциях и способах их соединения и метафизики в виде учения о практических следствиях той или иной онтологической модели. В эпистемологическом плане – проблема второй природы или искусственного мира технических объектов, созданного рефлексией и возможно за счет навыков управления материей. В этическом плане – проблема человека как субъекта рефлексии, раскрывающаяся в оппозиции художник (инженер, ученый) и зритель (потребитель), в вопросах об идеологии и самосознании.

Новое, создаваемое техническим сознанием на второй ступени, представляет собой внетелесную материальную реализацию процессов рефлексии. Нюанс в том, что процессы рефлексии обнаруживают только саму рефлексию, то есть не чувственное восприятие и рассудок в их содержательной, определенной познанием полноте, но схемы восприятия и рассудка, где последние зависят от той или иной онтологической модели. Для чувственного восприятия это подразумевает замещение естественных объектов искусственными: познающий индивид в мире «второй природы» в акте восприятия решает не прямую задачу декодирования электромагнитного спектра и превращения его в образы субъективной реальности, но задачу расшифровки структур рефлексии другого субъекта или субъектов, воплощенных в том или ином искусственном объекте познания. Соответственно круг вопросов об интерпретации, который в условиях первой природы занимает лишь филологов и философов, в условиях второй природы оказывается встроенным в акт познания в виде проблемы «понимания мира»: например, вряд ли кому-то в голову придет идея «понимать» закат или звездное небо, однако «понимание» города, здания, кофемолки или системы канализации – уже вполне осмысленная задача. Для рассудка это подразумевает автоматизацию естественных процессов логического анализа, исчисления, замещение навыка работы с синтаксисом навыком использования готового шаблона.

Третья ступень технического сознания

На второй ступени технического сознания человек, с одной стороны, оказывается соотнесен с самим собой в гораздо большей степени, то есть более свободен, нежели в условиях традиции; с другой стороны,

ему требуется существенно большее усилие для осознания структур рефлексии, для поиска и создания нового. Новое открывается или создается там, где субъект осознает те или иные границы. В рамках семиотической абстракции трансцендентальной структуры сознания техническое сознание имеет дело с новым сначала в форме прояснения и углубления навыка соотнесения рассудка и чувственного восприятия¹, затем в форме переноса элементов структурной организации рассудка в область чувственного восприятия: в первом случае речь идет о тренировке врожденных навыков рефлексии и открытии правил преобразования знаков в различных материальных средах; во втором случае – о создании новых знаков в субстратах чувственного восприятия и рассудка и об усложнении структуры акта познания. Очевидно, что третьей ступенью реализации технического сознания становится открытие нового в области прагматики самой процедуры рефлексии, когда проблема нового оказывается связана не столько с синтаксическими правилами восприятия и рассудка и их материальным воплощением, сколько с интерпретантами, делающими возможным физический мир, язык и способ их соотнесения.

Третья ступень технического сознания подразумевает не только осознание рефлексии и рефлексивного характера проективной деятельности, но и понимание процедуры рефлексии как семиозиса определенного типа, обладающего прагматикой, синтаксисом и семантикой. Это эволюционное сознание, где техническое оказывается одновременно субъектом, объектом и средой развития.

Развитие или эволюция осуществляется через анализ границ познаемого на фоне существенно более широких онтологических границ, где последние для теории познания остаются в виде явных или скрытых предпосылок. «Развитие» представляет собой фундаментальную философскую проблему; известные подходы к ее решению можно разделить на диалектический, системно-теоретический и синергетический.

Диалектическое решение проблемы «нового» сформулировано Г. Гегелем [2] в рамках онтологии абсолютного идеализма и вводит его как синтез тезиса и его отрицания. Это знаменитая фигура треугольника, семиотически выражающая знак как тезис, значение как отрицание, а смысл как синтез, то есть то новое качество, которое в субстрате одного слоя позволяет учесть признаки более низкого слоя, и, в свою очередь, быть обозначенным, то есть быть подвергнутым отрицанию. Так понятие «нового» позволяет разграничивать количественные и качественные границы, то есть рассматривать новое или как раскрытие ресурсов субстрата конкретного типа семиозиса, или как переход от одного субстрата к другому. Системно-теоретическое решение проблемы «нового» подра-

зумевает, что «новое» есть результат наложения систем, переноса по аналогии. Научная продуктивность этого подхода, выражающаяся, например, в фундаментальном расширении границ физического знания средствами математики в XX в., обусловлена соотнесением как минимум двух субстратов семиозиса с целью обнаружения изоморфизмов или расширения границ отображения одного субстрата в другом. Синергетическое решение проблемы «нового» вводит эту категорию как описание состояния системы при выходе из точки бифуркации; эвристический потенциал этого подхода ясен пока не до конца.

Проблема эволюционного сознания формулируется в виде ряда вопросов, каждый из которых задает соответствующее содержание понятия эволюции. Первый вопрос заключается в выявлении новых синтаксических правил той или иной функции сознания без изменения интерпретанта и субстрата ее реализации, второй вопрос связан с изменением интерпретанта и субстрата для отдельной функции, третий вопрос – с появлением, выработкой или открытием новых интерпретанта и новых субстратов осуществления семиозиса.

Первый вопрос располагается в русле нормальной науки и, как правило, ответы на него формулируются с помощью системно-теоретического подхода. Типичным примером служит изоморфность синтаксиса языка и построения чувственного восприятия, в явном виде сформулированная Л. Виттенштейном [18] и допускающая в средствах математики расширение границ анализа вселенной за пределы чувственного восприятия человека: наложение системы описания на систему восприятия и есть способ получения новых фактов. Этот механизм демонстрируется структурой современного физического знания. Аналогичным образом возникает новое в рассудочных структурах, где друг на друга накладываются сугубо языковые правила, трансформируя и расширяя каждый конкретный язык: примером служит трансформация лексических и грамматических структур одного естественного языка под воздействием другого естественного или искусственного языка.

Второй вопрос располагается на стыке нормальной и революционной науки. Ответы на него связаны с анализом условий возможности процедур понимания коммуникативных знаков и познания эмпирических знаков, с выявлением истории переноса техник интерпретации из области филологии в область естественных наук. Решение первого и второго вопросов эволюционного сознания вынуждает техническое подниматься на вторую ступень, замещать естественное объективированными и овеществленными структурами рефлексии.

Третий вопрос, формулирующий проблему эволюционного сознания, представляется наиболее сложным. Не трансформация существующей интерпретанты в рамках имеющегося субстрата, но создание нового навыка, открывающего новые субстраты осуществления семиозиса, – это вопрос, выходящий за пределы сугубо научного знания и вовлекающий в обсуждение литературные, мистические, религиозные и собственно философские модели. После Декарта

¹ Наиболее ясно сказанное демонстрирует известный пример Платона с тремя кроватями [15]: «нового» для традиции нет, есть лишь навык «подражания». Очевидно, что переход от первой ступени технического сознания ко второй вызывает принципиальное противоречие в оценке деятельности воображения в религиозно-догматических и научно-технических дискурсах.

единственным инструментом, допускающим последовательный переход от одной интерпретанты к другой, от одного субстрата к другому, является отрицание, после Гегеля синтетическое единство субстрата и его отрицания интерпретируется как новый субстрат. Эволюцию культуры (включая эволюцию техники) можно в целом охарактеризовать через механизмы создания инобытия функций сознания и последующего его переноса в сферы разума, рассудка и чувственного восприятия. История западной культуры показывает, что такого рода диалектический синтез в комбинации с переносом по аналогии серьезно воздействует не только на синтаксические и семантические правила функций сознания, но и на их интерпретанты, позволяя изменять и дополнять исходные субстраты.

Эволюция как открытие новых форм семиозиса – в истории человечества и в границах эпистемически фиксируемой семиосферы – определяется сочетанием ряда процессов, включающих, как минимум, рефлексивную способность к созданию инобытия (образа или модели), способность соотношения рефлексивной модели и синтаксиса рассудка (последний может браться в виде систем логико-грамматических правил или экзосоматической технической среды), способность фиксировать инобытие в качестве цели и комбинировать ресурсы семиосферы для ее достижения. Онтологические основания эволюции как таковые в методологическом смысле возникают в виде такого инобытия, которое обеспечивает то или иное расширение границ познаваемого.

Эволюция в описанном периоде истории человечества носит характер автокоммуникативной самодетерминации. Человечество как субъект коммуникации оставляет самому себе сообщение, фиксирующее инобытие функций сознания, осуществляет на основании этого сообщения перенос по аналогии и далее прилагает усилия для его технического осуществления. В глобальном смысле эволюция человечества (материально фиксируемая в развитии новых художественных языков, новых научных теорий и технических устройств, новых систем социальной организации) является единственным выражением его свободы.

Техническое сознание на третьей ступени подразумевает контроль над материей не только физического мира и рассудка, но и рефлексии. «Технические объекты» воплощаются не только в сфере логических схем и чувственного опыта, но и в сфере условий возможности соединения первого и второго, первым примером техники такого рода является создание искусственных живых организмов и воздействие на ДНК человека. Наиболее существенной проблемой в такой ситуации становится проблема эволюционного прогноза и ответственности.

Исследование и трансформация условий возможности рефлексии – это вопрос о возможности долгосрочного планирования, который не проблематизируется на первой или второй ступенях технического сознания, находясь в ведении религиозной догматики в виде несомняемых представлений о самотождественности природы во времени (концепции «добраго бога» или «антропного принципа»). Управление рефлексией представляет собой своего рода рефлексии над рефлексией,

влекущую отождествление «третьей» природы и естественной природы и изменение ее субъекта.

Вполне очевидно, что третья ступень технического сознания в качестве субъекта имеет дело уже не с человеком, как он фиксировал сам себя в наблюдаемом периоде истории культуры, но с неочеловеком, способным не просто осознавать рефлексии и контролировать некоторые фрагменты материи в физическом и ментальном субстратах, но и перестраивать условие возможности рефлексии, влекущее изменение в том, какие «миры» или субстраты семиозиса в принципе соотносимы для человека, и, соответственно, в том, как именно осуществляется наполнение содержанием человеческого «я».

Заключение

Техническое сознание, описываемое как проективный семиозис, показывает эволюцию индивида от традиции к неочеловечеству. Человек, рождаясь, осваивает транслируемую культурной памятью сумму навыков, обеспечивающих выживание в естественной среде его рождения; фантазия, вымысел, метафизическое представление, порожденные удивлением, эстетическим переживанием или практической проблемой, вызывают процессы самосознания, позволяют косвенным образом увидеть рефлексивный характер практической деятельности; способность воплощать в материальных субстратах фикциональные объекты порождает вторую природу, замещающую естественные объекты восприятия и представления; способность материального изменения правил рефлексии открывает путь к осознанной и контролируемой автоэволюции человека, создавая «третью природу», в которой человек превращается в неочеловека, способного изменять качество своего человеческого существования как рефлексивного существа. Такого рода развитие требует от индивида серьезного усилия по поддержанию рациональности в каждый момент времени, способности сохранять память и способности к действию в условиях нарастающей неопределенности. В целом неочеловек как субъект технического сознания, создающего третью природу – это в онтологическом плане индивид, осознающий свое существование и стремящийся расширить его границы, в гносеологическом плане – это познающий субъект, способный самостоятельно сдвигать границу познаваемого, в аксиологическом плане – это член общества, самостоятельно вырабатывающий общезначимый этический кодекс и следующий ему, в прагматическом плане – это тот, кто способен действовать, концентрируя усилия на достижении цели.

«Техническое сознание» – это один из возможных путей исследования человека или сознания как такового, где «рефлексия над рефлексией» в конечном итоге покажет следующий за контролем над материей предел самопознания. Сейчас, на пороге между второй и третьей природой понятно, что развитие техники подчеркивает и углубляет интеллектуальное неравенство, в социальном пространстве выражающееся как конфликт между обществами «знания» и «потребления», приближает так называемую «точку матема-

тической сингулярности» [8], заставляющую размышлять об утопических и антиутопических сценариях ее преодоления, создает ситуацию тотальной неопределенности, в которой человеку не на что опереться, кроме процедур рефлексии, условия возможности которой теперь контролируются самим же человеком. Это развитие требует, наряду с пропедевтикой, проективного инженерного мышления, внимательного отношения к структурам общественного и абсолютного сознания, анализа идеологий, способствующих или тормозящих эволюцию, пересмотра с позиций технического сознания и Просвещения религиозной догматики и соответствующих ей постулатов реальной науки.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Москва, 1975. – Т. 1.
2. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – Москва, 1974–1977.
3. Гудмен, Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. – Москва, 2001.
4. Дубровский, Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики / Д.И. Дубровский. – Москва, 1971.
5. Дубровский, Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей / Д.И. Дубровский. – Москва, 2007.
6. Кант, И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – Москва, 1994. – Т. 3.
7. Лебедев, М.В. Значение, истина, обоснование / М.В. Лебедев. – Москва, 2011.
8. Назаретян, А.П. Середина XXI века: загадка сингулярности / А.П. Назаретян // Философские науки. – 2013. – № 9. – С. 15–24.
9. Нестеров, А.Ю. Семантика вымысла: эпистемологический статус значения фикционального знака / А.Ю. Нестеров // Именованное, необходимость и современная философия. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 154–169.
10. Нестеров, А.Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации / А.Ю. Нестеров. – Самара, 2008.
11. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – Москва, 1994. – Т. 3.
12. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. – Москва, 2002.
13. Шольц, Г. Корни спора о герменевтике / Г. Шольц // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе. – Самара, 2010. – С. 18–31.
14. Ястреб, Н.А. Эпистемологический анализ техники: структура, условия, возможности и критерии истинности технического знания / Н.А. Ястреб // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2014. – № 1. – С. 91–98.
15. Ястреб, Н.А. Эпистемология технического объекта / Н.А. Ястреб // Философия науки. – 2013. – № 2. – С. 123–133.
16. Dessauer, F. Streit um die Technik / F. Dessauer. – Freiburg im Breslau, 1959.
17. Ingarden, R. Der Streit um die Existenz der Welt / R. Ingarden. – Tuebingen, 1964. – Bd. 1.
18. Wittgenstein, L. Tractatuslogico-philosophicus / Werkausgabe in 8 Bänden. Bd.1 / L. Wittgenstein. – Frankfurt am Main, 1999.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

A.Yu. Nesterov

TECHNICAL CONSCIOUSNESS AS SEMIOSIS: GOALS SETTING

The article deals with the semiotic approach to technical consciousness and introduces it as a projective semiosis which, being human practical activity caused by reflection, is considered at three levels: as a «tradition», which defines technology as the rule-determined activity satisfying human survival requirement in his natural environment; as «second nature», when technology is described as a process of creating something new, which is possible due to the control over matter and able to replace natural environment with artificial one; and, finally, as «third nature», when technology is a reflection control method.

Technical consciousness, semiosis, philosophy of technology.